
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Игорь Топоров
(г. Николаев, Украина)

Известный советский писатель, публицист и просветитель Адриан Митрофанович Топоров родился в 1891 г. в Курской губернии — в семье крестьянина-бедняка. Всесоюзную славу ему принесла работа на Алтае, где он был одним из создателей знаменитой коммуны «Майское утро». Последние годы жизни провел в украинском городе Николаеве, где скончался в 1984 году. Он — автор единственного в мире опыта крестьянской критики произведений мировой литературы - книги «Крестьяне о писателях» (1930 г.), воспоминаний «Я — учитель» (1980), книги «Мозаика» (1985) и др.

Педагогические труды А. М. Топорова изучаются в вузах России и Украины, а его школу в коммуне «Майское утро» иногда сравнивают с яснополянской школой Л. Н. Толстого. Предисловие — его потомка Игоря Топорова.

АДРИАН ТОПОРОВ И ЕГО «МОЗАИКА»

Адриан Топоров (1891—1984) прожил большую, интересную и насыщенную различными событиями жизнь. Он был писателем, публицистом, просветителем, знатоком многих видов искусств.

Его легендарная книга «Крестьяне о писателях» вошла в историю, как единственный в мире опыт крестьянской критики литературных произведений. И была, к примеру, горячо любима его мудрым наставником и приятелем — В. В. Вересаевым. А. М. Топоров оставил потомкам интереснейшие мемуары. А его лебединой песней стала книга «Мозаика», изданная в Киеве уже после смерти автора («Днипро», 1985).

В ней он собрал любопытные факты и эпизоды из жизни величайших людей, по его выражению, «создававших общечеловеческую культуру или вредивших ей». Причем, А. М. Топоров не касался в «Мозаике» значения деятельности корифеев науки, техники, литературы, искусства и проч., ибо считал, что об этом крупнейшими авторитетами написаны тысячи всевозможных исследований.

Герои эпизодов интересовали автора, в первую очередь, как живые люди в быту со всеми их личными особенностями, иногда странными, чудаческими. В этих миниатюрах нет ничего вымышленного, так как все они извлечены Топоровым из редких и редчайших литературных источников и лишь сжато изложены им. В черновых рукописях писателя имеется точное указание, откуда взят тот или иной факт.

Автор «Мозаики» справедливо полагал, что коли большинство событий и эпизодов, приведенных в сборнике, были неизвестны ему — читателю с 75-летним стажем, то о них знали ранее лишь наиболее эрудированные книголюбы и специалисты. И выражал надежду, что все это должно быть полезным многим, особенно молодежи.

Писатель также был убежден, что книга, подобная им предлагаемой, не могла иметь конца, ибо любопытных фактов, эпизодов и событий из жизни великих людей — несметное количество, из которого он сам почерпнул лишь ничтожную толику.

Так и вышло... Исследователи творчества А. М. Топорова обнаружили в его рукописях значительное количество неизвестных ранее миниатюр, а московское издательство «Нобель-пресс» на их основе подготовило сразу две много более объемные, чем киевская, книги: «Мозаика» и «Мозаика 2».

Мы же знакомим читателя с мини-рассказом А. М. Топорова о его любимейшем поэте — Михаиле Юрьевиче Лермонтове.

Адриан Топоров

ПЕРЕСТРЕЛКА

Будучи студентом Московского университета, Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841) увлекался литературой, историей, языками и искусствами. Недолго любил лекции по зоологии и редко посещал их. Профессор, читавший курс этой науки, вздумал публично уколоть остротой нерадивого студента.

Несколько запоздав на очередную лекцию по зоологии, Михаил Юрьевич тихонько вошел в аудиторию и стал у двери. Профессор, заметив это, нарочито повышенным тоном продолжал:

— Теперь мы перейдем к ослу...

При этих словах он обратился к Лермонтову:

— Садитесь, пожалуйста.

Поняв насмешку профессора, поэт отпарировал:

— Благодарю вас: я могу слушать осла стоя.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

1914 год...

Грянула русско-германская империалистическая война. С фронта приходили безрадостные вести о бесплодной гибели русских армий, погубленных предателями из царедворцев и бездарными полководцами. Трагедию войны тяжело переживала вся наша страна.

Пришел я к Сене Шаронову.* Стали петь и играть только что сочиненный им «Реквием». В комнату неожиданно влетел возбужденный Костя.**

— Друзья! Я мобилизован! Через час должен быть на сборном пункте. Забежал попрощаться.

— Подожди, Костя,— сказал Шаронов.— Послушай мою новую вещь.

И он запел и заиграл «Реквием». Прослушав музыку, Костя вскрикнул:

— Это ты, друг, панихиду, что ли по мне сочинил? Нет, погоди петь ее! Мы постараемся повернуть штыки и пушки на кого следует. Вот увидите!

И, расцеловавшись с нами, Костя быстро ушел...

С тех пор я ничего не слышал о моем старом барнаульском друге Константине Еремеевиче Багаеве...

6-е августа 1961 года... Космонавт-2 Герман Степанович Титов совершил свой триумфальный полет в космос. И незаметное до того имя рядового сельского учителя Адриана Топорова зазвучало в печати, по радио, телевидению и на собраниях. Мой ученик и воспитанник, Степан Павлович Титов, отец космонавта, переслал мне письмо К.Е. Багаева, проживавшего в Ставрополе. Так восстановилась моя связь с Костей, участником трех революций и трех войн. Имел он множество заслуженных наград. Скончался 10 декабря 1969 года на 86 году жизни. Похоронен на кладбище старых коммунистов в Переделкино, под Москвой. За два года до смерти он прислал мне свою книжку мемуаров «Всю жизнь...» с надписью:

«Моему дорогому, незабвенному, единственному другу юношеских лет Адриану Митрофановичу Топорову — дарю эту книжку, в которой записана вся моя нелегкая жизнь с юношеских лет и до пенсионного возраста.

К. Багаев. 8. XII — 69 г.»

* * *

...День мобилизации запасных на первую империалистическую войну в Барнауле ознаменовался грандиозным пожаром. Мобилизованные разгромили спиртоводочный завод и его склады; перепились вдрызг. Как и почему возник пожар, никто точно не установил в те дни. Когда над городом полыхало зарево, по его улицам пьяные орали песни, тащили в четвертях и ведрах водку и спирт.

Началось ограбление магазинов. Было жутко. Мне рассказывали, что шайка грабителей залезла в ювелирный отдел горящего пассажа Смирнова, а кто-то снаружи спустил тяжелейшие металлические ставни на огромные двери и окна. И все грабители сгорели внутри пассажа...

* * *

Мобилизовали и учителей. Со сборного пункта пригнали нас на пристань и засадили в трюм пассажирского парохода.

---

* С. В. Шаронов (1874—1937) — алтайский композитор, автор величественного «Реквиема», посвященного русским воинам, погибшим в Первую мировую войну.

** К. Е. Багаев (1884—1969) — известный алтайский революционер, активный участник Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Отплыли от Барнаула. Уже вечерело. В трюме раздался крик:

— Все на верхнюю палубу!

Там служил вечерню сам «апостол Алтая» Макарий, митрополит Московский и Коломенский, бывший архиепископ Томский. Он на пароходе возвращался из отпуска, который проводил в «благословенном и возлюбленном Алтае».

Солнце недавно село, и запад еще алел. В вечерней тишине пение митрополичьего хора разносилось далеко по Оби. Кругом была такая благодать! А на душе становилось муторно от мысли, что и нас везут на бессмысленную бойню. И ради чего?!

В Новониколаевске (старое название Новосибирска) мобилизованные педагоги расстались с Макарием. Он — в Москву, мы — в Томск.

В загородной роще нас выстроили в ряд. Подвыпивший полковник остановился против ряда, набычился и рявкнул:

— Что пузо выперли, как беременные бабы?! А еще господа учителя! Стоять не умеете! А ну, прравняйсь!!

Мы выровнялись, как могли. Полковник отошел поодаль, провел мрачным взглядом по всему нашему ряду и проревел:

— Впредь до особого распоряжения — по домам!! Марш обратно на пристань!!

Нас повели. Чье-то сумасбродство заставило сотни учителей мыкать в Томск и обратно! То же повторилось через месяц...

Меня миновала горькая чаша войны...

* * *

В конце августа 1915 года я покинул Барнаул. На сей раз прощался с друзьями накоротке, думал, что еду в это село на год-другой, а вышло — на семнадцать лет. Можно точнее сказать: на всю жизнь. Потому что наконец-то я нашел свое настоящее место в жизни; в город больше не вернулся, стал сельским учителем.

Слов нет, был я дилетантом, потому что знал лишь азы некоторых наук и искусств. Но как раз такие дилетанты и нужны были в глуши. Они-то и начали приобщать «обуточную» Русь к начаткам культуры.

Может быть, мне даже легче было понять крестьян. Не зря ведь случилось в пору хождения интеллигенции «в народ», что они вязали пропагандистов и сдавали уряднику. Довольно быстро стало мне ясно, что «неоплатный долг», который мечтал я им вернуть, они не особо хотели и принимать. Не было ничего вроде «ах, приехал, родимый, наконец-то!». Была худая школенка, было нищенское жалование, были равнодушие, подозрительность, хмурое молчание баб и мужиков. И следовало для начала заслужить их доверие.

Итак, я стал учителем, рядовым сельским учителем, но, думаю, в правдивом изображении житей-бытья обыкновенного маленького человека тоже есть какая-то ценность. Поэтому и пишу свои заметки.

Село, куда меня занесло, имело три названия: по-административному — Верх-Жилинское, по-церковному — Терешкино, а по-народному — Журавлиха. Последнее имя получило за то, что раскинулось между сограми (болотами), где водились журавли. За сограми виднелись увалы, поросшие сосновыми и березовыми лесами, за ними лежала степь. С юга и севера село огибали две речки: одна — Журавлишка, другая — безымянная.

Население было смешанное: коренные чалдоны и давние переселенцы из Европейской России. По чистой случайности оказалось, что они мои земляки — куряне из Обоянского и Поныровского уездов. Вот почему и язык верх-жилинцев содержал смесь сибирских и курских диалектизмов.

Я застал там две школы. Церковноприходская была почему-то вдали от церкви,

на краю села. Учительствовала в ней тихоня вроде старой монашки. Министерская школа, напротив, помещалась рядом с церковью, в самом центре села. Это был бревенчатый сарай, к тому же недостроенный. Мне сказали, что мужики долго ругались на сельском сходе, но на пятачковый сбор со двора так и не согласились. Доски поверху набросали кое-как, крыша текла, сеней не приделали, к входной двери вела лесенка из шести кривых, «опасных» ступенек. В сарае и началась моя просветительная работа.

С чего началась? Окончив школьные занятия, я вечерами ходил на «сборню», где сходились мужики. Здравовался, садился с ними, больше помалкивал. Разговоры шли в основном о русско-германской войне, куда угнана была вся верх-жилинская молодежь. Как-то я предложил бородачам почитать газету. «Давай, паря»,— согласились они. И начал я читать — «Жизнь Алтая», «Сибирскую жизнь», «Русские ведомости», «Русское слово». Когда вошло это в обычай, взялся за небольшие художественные произведения из журналов «Русское богатство», «Былое».

Но, видимо, для этого время еще не пришло. Больше интересовали крестьян газеты, в них — сводки военных действий, а особенно, как я заметил, — речи оппозиционных членов Государственной думы. В этих речах проскальзывали намеки на наши неудачи, на бездарность генералов, на измену придворной камарильи. Мужики хмурились:

— А чо им? Жалко нашего брата? Им все едино!

— Продались Вильгельму!

— Целые армии царицыны енералы топят в болотах...

— Она хочет ряшить государство!

О доносах в глуши не ведали, языкам давалась полная воля. Уже тогда было видно, как закипает народный гнев против самодержавия. Но я с высказываниями не спешил. Порой умолкал на самом интересном месте и только показывал слушателям «лысины», когда цензура вымарывала куски речей, газеты выходили с пустотами в колонках.

— Во какие прогалызины! Боятся правды-то!

— Должно, опять царицу продернули.

— И Распутина Гришку...

Постепенно крестьяне привыкли ко мне, да и я узнал их, понял, до чего они все разные. Одинаков «народ» для стороннего наблюдателя, а живя с людьми, видишь, кто как думает и кто чем дышит. Очень интересные были в Верх-Жилинском мужики; попадались и грамотеи, которых остальные именовали «политиками». Стали время от времени приходить ко мне, просили почитать книжки. Я, конечно, давал.

Бабы держались особняком, в разговоры не встречали, но шли дни, недели, месяцы, и познакомился я с ними тоже. Вначале писал под их диктовку письма на фронт, а зимой пришла ко мне целая делегация солдаток:

— Поучи нас, Митрофаньч, грамоте!

— Надоть письма писать на войну, а не умеем.

— Сам знаешь, промежду мужем и женой всяка тайность есть, через чужого и сказать стыдно...

Дело было столь необычное, что инспекция народных училищ долго судила и рядила, давать ли мне разрешение. Наконец позволили открыть воскресную школу грамоты, но только для женщин. И я еще в 1915-1916 учебном году, до всех ликбезов, ликвидировал неграмотность у многих солдаток и девиц села Верх-Жилинского. Мужики, приходившие с фронта, уже знали обо мне из их писем, приходили как к знакомому, тоже брали книги из моей библиотеки.

В общем, закрепились моя дружба с крестьянами...

Валерий Есипов
(г. Вологда)

ЧЕРНОВИКИ ТОЖЕ ПОЛЕЗНЫ
(комментарий к публикации Н. Циписа
«Стихи из старой папки» —
«Приокские зори», 2012, № 2)

Литературовед, автор книги «Шаламов» в серии «ЖЗЛ»

Внимание к поэзии Варлама Шаламова, проявленное «Приокскими зорями», само по себе ценно, поскольку стихи автора «Колымских рассказов» еще мало известны широкому читателю. При жизни автора, в 1960—1970-е годы, его поэтические сборники выходили мизерными тиражами, а потом, со времен «гласности», их полностью заслонила потрясающая шаламовская проза. Справедливо ли это? Вряд ли. Ведь сам Шаламов считал себя прежде всего поэтом, и истина этого его утверждения постепенно восстанавливается — благодаря прежде всего поискам и публикации неизвестных стихов, которых оказалось огромное множество. В прошлом году вышло в свет семитомное собрание сочинений писателя — в нем стихи занимают целиком 3-й том и кроме того около 160 стихотворений (из рассеянных в периодике публикаций и из архива) вошло в 7-й том. Ярko подтверждают мысль о поэтической доминанте творчества Шаламова его письма, статьи и эссе о стихах, а также и исследования на данную тему: весь этот материал широко представлен на сайте shalamov.ru, созданном в 2008 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В настоящее время идет подготовка первого научного издания стихов Шаламова в серии «Библиотека поэта», что поможет окончательно «реабилитировать» его поэтическую сущность (хотя, по мнению многих литературоведов, он в такой «реабилитации» не нуждается, т.к. по праву занимает в русской литературе XX века ту вакансию среди выдающихся поэтов-прозаиков, которая осталась незаполненной после А. Белого и Б. Пастернака).

В связи с этим следует отметить, что публикация Наума Циписа с сообщением о папке стихов Шаламова, имевшихся у его бременского друга (ныне покойного) Леона Траубе, оказалась весьма полезной для шаламоведения. Прежде всего потому, что благодаря этой публикации и посредничеству Н. Циписа, нам удалось связаться с проживающей в Бремене вдовой владельца папки Эллой Траубе, и она любезно согласилась передать эту папку со всеми имеющимися в ней материалами в фонд писателя в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Это произошло в марте 2014 г. Как показывает анализ материалов (это машинописные копии около ста стихотворений), они являются важным дополнительным источником для текстологической работы, что будет иметь особое значение для издания «Библиотеки поэта».

Необходимо уточнить несколько существенных деталей. Большинство стихов — как увидевших свет на страницах «Приокских зорь», так и содержащихся в папке

Л. Траубе — уже опубликовано, и не раз. Девять из двенадцати стихотворений, представленных Н. Циписом, входят в большую поэтическую книгу Шаламова «Колымские тетради», составленную автором при жизни, но напечатанную целиком лишь в 1994 г. (затем «Колымские тетради» неоднократно переиздавались). Некоторые стихи печатались еще раньше, в 1960-е годы, и были уже тогда широко известны. Например, стихотворение «Камея» («На склоне гор, на склоне лет») входило в первые сборники Шаламова «Огниво» и «Шелест листьев», выпущенные издательством «Советский писатель», соответственно, в 1961 и 1964 годах. Очевидно, что Н. Ципис, живущий в Германии, не мог найти эти сборники в библиотеках, однако, он мог бы воспользоваться Интернетом или обратиться к специалистам. Тогда бы стало понятно, что он имеет дело ни с чем иным, как с черновым вариантом этого стихотворения, значительно переработанным позднее. Для наглядности приведу оба варианта «Камеи». Черновой:

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Обух простого топора
Бессмертней кажется пера.
В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем значеньем немоты.
Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И в знак рассвета, в знак зари
Я перстень богу подарил.*

Беловой:

*На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морицин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщицы.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.*

Легко убедиться, насколько совершенным, воистину — чеканным — стало стихотворение при окончательной доработке. А чтобы понять, почему так резко отличаются черновик и беловик, стоит обратиться к собственному комментарию Шаламова к «Камее» (напечатан в 1994 г., входит во все собрания сочинений): «Написано в поселке Барагон близ Оймякона зимой 1951—1952 года в шестидесятиградусный мороз. Моя железная печка никак не могла нагреть помещения, ветер выдувал тепло,

руки стыли, и я никак не мог записать это стихотворение на бумагу в тетрадку. Полное одиночество, скала на другом берегу горной речушки, долгое отсутствие писем с «материка» — создали благоприятные условия для появления «Камеи». «По обстоятельствам жизни было важно укрепить хотя бы несколько строк, чтоб не утратить настроения, напора чувств», — замечал также Шаламов, добавляя, что «как и все колымские стихи, «Камея» имеет сто вариантов», и последний «очень понравился Б. Л. Пастернаку».

Черновым, т.е. первым, ранним наброском является и приведенный Н. Циписом вариант стихотворения «С годами все безоговорочней». При отделке оно стало сжатым и емким, просто замечательным, особенно концовка:

*...И вот, пройдя пути голгофские,
Чуть не утратив дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи.*

Уже по слову «вернулись» (в черновике «вернувшись») можно понять, что это стихотворение написано не на Колыме, а по возвращении с нее, в 1954 году. Это позволяет сделать вывод о том, что в папке Л. Траубе собраны не только колымские, но и «постколымские» стихи Шаламова. Причем, как установлено в настоящее время, практически все они имеются в архиве писателя — в рукописях, в различных вариантах. Таким образом, главная ценность найденной (благодаря публикации Н. Циписа) папки Л. Траубе — в том, что она дополняет источники текстов, которыми являются и черновики. Они во многих случаях полезны, т.к. позволяют проследить и проанализировать творческий процесс создания произведений. В то же время в папке содержится ряд стихотворений, не подвергавшихся переделке, и они показывают высокое мастерство и самобытность Шаламова-поэта.

Находка папки Л. Траубе проясняет ряд вопросов. Очень важны вложенные в нее небольшие воспоминания владельца. Судя по ним, это была первая машинописная копия стихов Шаламова, и перепечатка осуществлялась в 1954 году первой женой писателя Галиной Гудзь (вероятно, она обращалась к какой-то знакомой машинистке). Тогда же она и передала один экземпляр (из трех) Л. Траубе, который был другом семьи Гудзей, живших в Чистом переулке в Москве. В связи с этим утверждение Н. Циписа, будто Г. И. Гудзь передала стихи перед своей смертью — вероятно, аберрация памяти. Ведь она умерла в 1986 году, а с Шаламовым рассталась еще в 1956-м. Судя по воспоминаниям Л. Траубе, он почти сорок лет хранил папку у себя, когда жил затем на Украине, во Львове.

«Я показывал стихи многим литераторам, читал их с радостью Борис Чичибабин», — замечал Л. Траубе. Это очень интересный факт, который может объяснить, почему Б. Чичибабин был страстным поклонником творчества Шаламова. (Кроме того, надо помнить, что ни Шаламов, ни Чичибабин при всех своих лагерных испытаниях никогда не были диссидентами-антисоветчиками).

Важно, что в самиздат стихи из папки не попали — сведений о том, что Л. Траубе размножал копии и распространял их, не имеется. Да это было бы и неэтично с его стороны. Сам Шаламов также был совсем не заинтересован в том, чтобы его незавершенные стихи ходили «по рукам» — инициатива их перепечатки, напомним, исходила от его первой жены. Шаламов обычно записывал стихи в тетради и потом подолгу над ними работал, не выпуская из стола. Как отмечала наследница его архива И. П. Сиротинская, в 1953—1956 гг. многие стихи «подвергались огромной правке». Поэт надеялся, что «Колымские тетради» будут целиком напечатаны в период «оттепе-

ли». Увы, этого не случилось. Главный поэтический труд Шаламова — в отличие от его рассказов — не получил широкого хождения и в самиздате. Все это наглядно показывает трагизм литературной судьбы большого русского поэта и писателя.

Теперь справедливость начинает восстанавливаться, и хотелось бы, чтобы все наследие В. Т. Шаламова было бережно собрано, издано и изучено, чтобы появлялось больше глубоких статей и исследований о нем и его творчестве. К сожалению, так происходит не всегда. Пользуясь случаем, хочу высказать свое отношение к еще одной публикации в «Приокских зорях». В № 1 за 2013 г. напечатана статья Н. Мых-Степняка «Нелюбовный треугольник: Солженицын, Шаламов, Твардовский и «Новый мир». Вынужден заметить, что точно так же называется ключевая глава из моей книги «Варлам Шаламов и его современники», изданной в 2007 г. и размещенной на сайте shalamov.ru. Н. Мых-Степняк лишь поменял местами фамилии: у меня Шаламов был на первом месте, а Солженицын на втором. Понятно, что за сменой мест стоят собственные симпатии автора, но зачем же заимствовать чужой заголовок? И зачем переписывать целыми абзацами формулировки моей книги, выдавая их за свои? При этом Н. Мых-Степняк сделал попытку замаскировать плагиат ссылкой на мою фамилию, но и тут получилась незадача — я оказался у него Валерием Осиповым...

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ЗАПОМНИ НАС, НЕБО РОССИИ.
О русских летчиках Первой Мировой войны

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2012 год. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

Кто из наших современников не знает имен знаменитых советских асов Великой Отечественной войны? Имена славных героев-летчиков широко известны не только в России, но и далеко за ее пределами. Это трижды Герои Советского Союза Иван Никитович Кожедуб и Александр Иванович Покрышкин.

В годы Великой Отечественной войны летчик-истребитель Иван Кожедуб совершил 326 боевых вылетов и в 120 воздушных боях 62 раза одержал победу. Александр Покрышкин совершил 600 боевых вылетов, участвовал в 145 воздушных сражениях и закончил войну, имея на счету 59 сбитых самолетов лично и 6 — в группе.

Не менее выдающимся и мужественным летчиком был и дважды Герой Советского Союза Григорий Андреевич Речкалов, удостоенный высокого награда за свои боевые заслуги — 56 сбитых самолетов противника.

Всего же за боевые подвиги во время Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены 2420 летчиков, из них 65 — дважды и двое — трижды. В боевых действиях авиации Красной Армии активно принимали участие и женщины. Героинями Советского Союза в годы войны стали 30 отважных летчиц.

Нам бесконечно дороги советские летчики-герои Покрышкин и Кожедуб, Маресьев и Речкалов, Литвяк и Зеленко, но знаем ли мы так же хорошо имена русских летчиков, участвовавших в воздушных сражениях Первой Мировой войны?

Когда я начал работу над этой статьей, то открыв полную энциклопедию «Мировая авиация», которая издается с 2009 года, был немало удивлен тем, что в разделе «Имена в авиации» не упоминаются русские асы Первой мировой войны. Подробно и интересно рассказано о немецких, французских летчиках, летчиках США, а о пилотах России ни слова.

А может, Россия была настолько отсталой в авиации, что о вкладе русских летчиков в ее развитие не стоит и вспоминать? И кроме П. Н. Нестерова не было у нас выдающихся авиаторов в те годы?

Но это далеко не так и заслуги русских летчиков, участвовавших в Первой мировой войне не менее значимы перед Россией, чем заслуги кавалерии, пехоты, артиллерии. А свой вклад в развитие мировой военной авиации они внесли не меньший, чем французские и немецкие летчики. Забыть об этом было бы несправедливо по отношению к русским авиастроителям и летчикам не только потому, что сейчас отмечается столетний юбилей со дня начала Первой Мировой войны, а просто потому, что степень цивилизации страны определяется по отношению ее народа к памяти о солдатах, погибших на полях сражений в любой войне.

Ведь даже среди немецких и австрийских летчиков о героизме и смелости русских пилотов ходили легенды. Многих наших летчиков противник знал буквально по именам. А вот что писала австрийская газета “Pester Loyd” в октябре 1915 года: «Было бы смешно говорить с неуважением о русских летчиках. Русские летчики более опасные враги, чем французы. Русские летчики хладнокровны. В атаках русских, быть может, отсутствует планомерность, так же как и у французов, но в воздухе русские летчики непоколебимы и могут переносить большие потери без всякой паники. Русский летчик есть и остается страшным противником».

Имена русских летчиков Первой Мировой не известны нашим современникам так широко, как имена героев Великой Отечественной, по одной простой причине. Многие из них после Октябрьской революции эмигрировали в Англию и продолжали воевать на Западном фронте против Германии или воевали в рядах Антанты против частей Красной Армии. Но все они достойны занять свое место в памяти народа, потому что сражались на фронтах Первой Мировой войны за Россию, и многие из них погибли с честью «за Веру, Царя и Отечество».

Но немаловажно напомнить о том, что авиация того времени находилась всего лишь на пороге становления. И необходимо было иметь отважное сердце, чтобы на самолетах, похожих больше на этажерки, подниматься в воздух. Не просто летать, а еще и вести боевые действия — разведку, бомбометание, стрельбу по самолетам противника. И на это были способны только такие люди, которых без натяжки можно назвать героями.

В те годы российская авиационная промышленность значительно уступала зарубежной и по качеству, и по техническому оснащению производимых самолетов. Поэтому нашим летчикам зачастую приходилось летать и воевать на отсталой технике, в большинстве своем имея на вооружении карабин или револьвер.

Во время Первой Мировой войны асом считался летчик, сбивший не менее 5 самолетов противника. И официальная статистика не учитывала сбитые вражеские самолеты, упавшие за линией фронта, что, конечно, преуменьшало число воздушных побед русских летчиков. Несмотря на то, что российские летчики воевали в худших условиях, чем французские или немецкие, то есть на технически отсталых самолетах, с более слабым вооружением, они своей отвагой и смелостью сумели внушить противнику страх перед русским воздушным флотом. Всего из 150 военных летчиков-истребителей в российской авиации асами стали 26 (т.е. одержали более 5 воздушных побед каждый). Всего нашими асами было уничтожено 188 самолетов противника. У каждого аса был свой «почерк» ведения воздушного боя, но одно было непоколебимым — они смело шли в лобовые атаки, от которых противник старался уклониться. Это позволяло с расстояния 15—20 метров расстреливать вражеские самолеты. Всего за время Первой мировой войны русские истребители уничтожили свыше 2000 самолетов противника и около 3000 летчиков.

Личный состав летных отрядов в начале войны комплектовался из офицеров различных родов войск, в первую очередь за счет артиллерийских дивизионов и гвардейских частей кавалерии. Но и здесь учитывалось происхождение формируемых авиационных кадров и «благонадежность». В основном в авиацию брались кадры из дворянского сословия. К выходцам из других сословий относились свысока, а в офицерскую среду принимали весьма неохотно. Но, тем не менее, в рядах русского офицерства было много представителей из средних и нижних слоев общества, а также из солдат. Они-то и явились летными кадрами, вынесшими на себе основную тяжесть войны. В ходе боев были очень большие потери в летном составе. Особенно среди летчиков-истребителей. Однако командование авиационных дивизионов неохотно присваивало офицерские звания летчикам из «нижних чинов». В своей книге «Исто-

рия воздухоплавания и авиации в России» П. Д. Дузь приводит такие примеры: «Летчик 2-го истребительного отряда Кокорин сбил в воздушном бою пять немецких самолетов, был полным Георгиевским кавалером, однако, погиб, так и не дождавшись офицерского чина. ...Летчик-солдат 2-го сибирского авиаотряда, бывший рабочий Путиловского завода, А. Г. Мортиров вел боевую работу в авиации с 1915 года, совершил 600 боевых вылетов. За подвиги в войне он получил три Георгиевских креста. В начале 1917 года ему присвоили чин поручика. Вскоре А. Г. Мортиров был награжден орденом Владимира 4-ой степени и золотым Георгиевским оружием, однако дальнейшего продвижения по службе не получил».

Наши летчики, несмотря на то что имели на вооружении устаревшую технику, менее быстроходные и хуже вооруженные аппараты, проявляли в воздушных боях чудеса мужества и отваги. Многие из них вписали свои имена в историю мировой военной авиации, достойно и с честью неся звание русского летчика.

Пожалуй, наиболее известно в народной памяти имя летчика **Петра Николаевича Нестерова**. Именно потому, что П. Н. Нестеров совершил впервые в истории авиации воздушный таран. Но до этого в 1913 году весь мир узнал имя отважного авиатора, выполнившего тоже впервые в мире сложнейшую для того времени пилотажную фигуру — «мертвую петлю».

А 26 августа 1914 года прославленный летчик штабс-капитан 9-й Сибирской стрелковой бригады совершил бессмертный подвиг — на самолете типа «Моран-Ж» таранил австрийский самолет типа «Альбатрос». Произошло это в небе в окрестностях города Львова. Австрийский пилот вел воздушную разведку передвижения русских войск на недосягаемой для выстрелов с земли высоте. Штабс-капитан Нестеров на легком и быстроходном «Моране» смело полетел ему наперерез. Австрийский разведчик, увидев быстро приближающийся русский самолет, попытался уйти от преследования. Но самолет Нестерова настиг его и ударом сверху сбил неприятельскую машину. Оба самолета рухнули на землю. Сбив противника, геройски погиб и русский летчик П. Н. Нестеров.

Петр Николаевич Нестеров, хоть и не являлся асом в прямом смысле этого слова, но был настоящим авиатором, внесшим незаменимый вклад в историю русской авиации. За период своего участия в боевых сражениях он успел совершить всего 7 вылетов и одержать только одну воздушную победу. Но какую!

Во время своего первого ночного полета на бомбардировку 2 июля 1915 года был сбит над Рижским заливом русский летчик **Александр Николаевич Прокофьев-Северский**. При падении самолета взрывом боезапаса ему изувечило правую ногу. Опасаясь гангрены, врачи госпиталя, где он проходил лечение, хотели почти полностью ампутировать Северскому ногу. Но ограничились ампутацией чуть ниже колена, вняв настойчивым просьбам летчика. После выписки из госпиталя Александр Северский был назначен инспектором авиапромышленности от Балтийского флота. Он начал интенсивно тренироваться, ходил на костылях, потом без костылей, когда ему сделали деревянный протез ноги. Северский был человеком сильной воли, верил, что может тренировками достичь желаемого — вновь сесть на аэроплан. Однажды он без разрешения выполнил полет на самолете. И не просто пролетел, а направил самолет под Николаевский мост Петрограда. На докладе начальника Воздушных сил Балтфлота адмирала А. И. Непенина о дерзком поступке авиатора царь поставил резолюцию: «*Читал. Восхищен. Пусть летает. НИКОЛАЙ*».

Так А. Н. Прокофьев-Северский вернулся в бомбардировочную авиацию. В 57 боевых вылетах отважный летчик сбил 13 самолетов противника, имел множество боевых наград. В 1916 году был награжден Золотым Георгиевским оружием за схватку против семи германских самолетов. После того, как Александр Северский

своим огнем сбил два немецких самолета, остальные оставили поле боя, позорно бежав. Был награжден специальной наградой за ценные изобретения в области морской авиации. А было ему в ту пору всего 23 года.

Свою первую воздушную победу штабс-капитан **Евграф Николаевич Крутень** одержал 30 июля 1915 года. Через год весной 1916 года штабс-капитан Е. Крутень серьезно поставил перед командованием вопрос о создании специальных истребительных авиагрупп. И в марте его назначили командиром 2-го авиационного отряда истребителей. Из всех русских летчиков Первой мировой войны Е. Н. Крутень внес наибольший вклад в разработку теории воздушного боя, написав на основе собственного практического опыта несколько брошюр-наставлений. В отношении количества воздушных побед летчика-истребителя имеется различное мнение. Считается, что Евграф Николаевич сбил 15 германских самолетов. Был награжден орденами: Святого Георгия — 4-й степени, Святого Владимира — 4-й степени, Святой Анны — 4-й степени, Святого Станислава — 2-й и 3-й степени; золотым Георгиевским оружием и французским «Военным крестом 1914—1918».

Погиб русский авиатор Е. Н. Крутень 19 июня 1917 года, возвращаясь с очередного боевого задания на самолете с пустым бензобаком. При заходе на посадку на малой высоте самолет командира истребительного отряда врезался в землю. Похоронен Евграф Николаевич на Лукьяновском кладбище города Киева, рядом с могилой Петра Нестерова.

Смирнов Иван Васильевич был родом из крестьянской семьи. Когда началась война, бежал из дома и поступил добровольцем в армию. На фронте отличился в боях, получив серьезное ранение, и в девятнадцать лет был награжден Георгиевским Крестом. После госпиталя Ивана приняли на курсы авиаторов. С 1915 году воевал в истребительном отряде. За два года сбил 12 самолетов, при этом сам не был сбит ни разу. Дослужился до поручика. Эмигрировал в Англию.

Аргеев Павел Владимирович после тяжелых ранений, полученных во время службы в пехоте, ушел в отставку. Но после выздоровления продолжил службу летчиком на русско-германском фронте. Сбил 6 самолетов, за боевые победы награжден орденами св. Георгия и св. Владимира. Октябрьская революция и последовавший за ней развал фронта заставил боевых офицеров Российской армии сделать трудный для них выбор. Летчик Павел Аргеев через Архангельск покидает Россию и едет во Францию на Западный фронт. В составе 124-й истребительной эскадрильи, укомплектованной иностранными добровольцами, он становится самым результативным пилотом. За 5 месяцев боев сбил еще 9 немецких самолетов.

Начало Первой мировой войны **Борис Васильевич Сергиевский** встретил инженером в Киеве, но был призван в армию, служил в пехоте. После ранения в 1915 году и длительного лечения в госпитале возвращается на фронт. А в начале 1916 года, когда объявили запись добровольцев в авиационный дивизион, Сергиевский подал прошение о переводе из пехоты в авиацию. После окончания Севастопольской военной авиационной школы получил назначение во 2-ой авиационный отряд истребителей под командованием Евграфа Крутень. Борис Сергиевский быстро стал одним из лучших российских летчиков-истребителей. В 55 воздушных боях летчик Сергиевский уничтожил 11 самолетов противника и 3 аэростата. За боевые заслуги награжден орденами Святой Анны — 2, 3 и 4-й степени, Святого Станислава — 2 и 3-й степени, Святого Владимира — 4-й степени. Был произведен в штабс-капитаны, и после гибели Е. Н. Крутень командовал истребительным отрядом. Эмигрировал в США.

Самым величайшим из русских асов-истребителей Первой мировой войны по праву считается **Козаков Александр Александрович** (1891—1919). Кавалер 16 боевых наград.

В своей первой воздушной победе военный летчик А. Козаков повторил подвиг штабс-капитана П. Нестерова. Он совершил второй воздушный таран в истории военной авиации. Из боя русский летчик вышел победителем и остался жив. Высочайший приказ о награждении А. Козакова Золотым Георгиевским оружием содержал следующие строки: *«за доблестный подвиг 18-го марта 1915 г., выразившийся в том, что по собственному почину взлетел у с. Гузов на своем аппарате, погнался за германским аэропланом, производившим разведку в нашем тылу и бросавшим бомбы в Гузовский аэродром, достиг его близ усадьбы Воля-Шидловского и, хотя не успел опрокинуть врага особым якорем, сбил его, с явной опасностью для собственной жизни, ударом своего аппарата о верхнюю плоскость неприятельского, в результате чего было прекращение противником разведки и метания бомб»*.

Молодой корнет Александр Козаков начал военную службу в уланском Белгородском полку в 1908 году. В 1913 году поручик уланского полка подает рапорт о переводе его в авиаотдел офицерской воздухоплавательной школы. С успехом ее оканчивает в 1914 году. За успехи в учебе награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

Началась Первая мировая война, но не сразу попадает летчик А. Козаков на фронт. Для военной авиации в России не хватало самолетов и поэтому только в ноябре 1914 года, получив самолет типа «Моран-Ж», он отправляется к месту службы. Участвует в боях во время знаменитого Брусиловского прорыва на Ковельском направлении. В воздушных сражениях Козаков сбил 9 самолетов неприятеля.

Козаков отличался незаурядными организаторскими способностями, был храбр, умело управлял самолетом. Все это и послужило решением для командования назначить его командиром 1-й истребительной авиагруппы. Ставшей впоследствии лучшей в русской авиации.

А всего русский ас А. А. Козаков одержал 17 воздушных побед. Признанных официально. Но фактически на его счету числится 32 победы. Ведь сбитые самолеты, упавшие за линией фронта, в актив летчиков не засчитывались.

События, разразившиеся в России после Октябрьской революции, серьезно изменили жизнь подполковника Козакова. Свой последний боевой вылет, находясь на службе в российской армии, он совершил в конце ноября 1917 года.

Пришедшие к власти большевики отменили офицерские звания, упразднили почти все боевые награды, полученные при «царском режиме». Офицер Козаков увидел во многих действиях большевиков угрозу кадровой армии, посчитал, что многое в устройстве России может безвозвратно рухнуть. Но Советская власть попыталась привлечь гражданина Козакова к практической работе по созданию Рабоче-крестьянского Красного Воздушного Флота. Даже был издан приказ о его назначении на должность начальника Главного Управления КВФ.

Однако Александр Александрович сделал свой, как ему казалось, правильный выбор: вместе со многими русскими летчиками он вошел в состав Славяно-Британского отряда, воевавшего на стороне Антанты. В боях с Красной Армией Козаков одержал свою последнюю победу в воздухе — им был сбит гидросамолет, управляемый красноретом (но неизвестно вошла ли эта победа в число тех 32, ведь факт его участия в боях против Красной Армии долгое время умалчивался).

Не поняв действий новой власти, не приняв того устройства, к которому она вела народные массы, Козаков был вынужден защищать свой мир, — с традициями и честью старой русской армии. Но надежды на сохранение старого мира рухнули с поражением войск интервентов, которые в спешном порядке эвакуировались из Мурманска под натиском Красной Армии. От службы в Лондоне Козаков отказался, не пошел он на службу и в армию Колчака. Козаков понял бесполезность этой борьбы, понял ошибку, совершенную им и многими его сослуживцами-летчиками.

Группу пилотов бывшего Славяно-Британского отряда провожали в армию Колчака в Сибирь, на Восточный фронт. Был вечер 21 июля 1919 года. Александр Козаков, в честь этого события и прощаясь с боевыми товарищами, поднялся в воздух на разведывательном самолете «Сопвич». На небольшой высоте он продемонстрировал каскад пилотажных фигур, и вдруг его самолет стал резко набирать высоту. Затем, внезапно сделав поворот через крыло, самолет пошел в отвесное пикирование... С треском и грохотом аппарат врезался в землю недалеко от ангара. Подбежавшие летчики извлекли из-под обломков Козакова, он был еще жив, но подоспевшая помощь медиков была уже бесполезна. При падении Козаков сломал позвоночник. Он умер на руках товарищей, не сказав ни слова. Было русскому летчику А. А. Козакову всего 30 лет... Летчики, видевшие его полет и падение, выразили общее мнение — это было самоубийство.

Никто из английских летчиков, входивших в состав Славяно-Балтийского авиаотряда, не пришел на похороны Александра Козакова, награжденного за победы в воздушных боях одним из высших орденов Великобритании...

Спустя год после гибели героя врангелевский журнал «Наша стихия» поместил обширную статью, посвященную памяти выдающегося русского летчика Александра Александровича Козакова. Статья заканчивалась словами генерал-майора В. М. Ткачева: «Россия должна гордиться этим человеком!»

Да, Россия должна гордиться людьми, приумножающими ее славу своими ратными и созидательными подвигами. И Родина все должна сделать для того, чтобы в памяти народной сохранились имена героев, встающих на защиту Отечества, приумножающих его силу и твердость.

И в этом ряду героев должны стоять на почетном месте русские летчики Первой Мировой войны, своими боевыми победами внесшие вклад в укрепление и развитие военно-воздушного флота России

Библиография

Литература

1. Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. М. 1986 г.
2. Советский энциклопедический словарь. ЛСЭ. 1985 г.
3. Мировая авиация. Полная энциклопедия. «Де Агостини». 2009 г.

Электронный ресурс

1. army.armor.kiev.ua Ладыгин И. В. Русские соколы.
2. <http://ru.wikipedia.org/wiki> Биографии русских летчиков.
3. www.petroplan.ru Казаков А. А.
4. airaces.narod.ru Военные летчики Первой мировой и Гражданской войны — Красные соколы.

ЕВРЕИ — ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая Мировая война (28 июля 1914 — 11 ноября 1918) — один из самых крупных вооруженных конфликтов в человеческой истории — в России по праву была названа II-й Отечественной. Патриотический подъем, охвативший все население страны, не оставил в стороне и евреев. Их процент в армии в те годы был выше, чем в составе населения России: всего в войсках евреев насчитывалось около пятисот тысяч. Еврейская молодежь, из-за «процентной нормы» обучавшаяся за границей, в большинстве вернулась в Россию. Многие, даже освобожденные от призыва, молодые люди шли на фронт добровольно. Кроме солдат в армии было много и офицеров-евреев.

Как среди представителей любого народа в армии, так и среди евреев были примеры и отрицательного отношения к воинской дисциплине. Но тысячи воинов проявили себя вполне достойно, воевали храбро и профессионально и были награждены за участие в войне орденами и медалями. *Свыше трех тысяч* из них награждено Георгиевскими крестами, а *сорок человек* стали полными Георгиевскими кавалерами, то есть получившими четыре награды — I, II, III и IV степеней, *кавалерами «полного банта»*.

В составе еврейского «Союза Георгиевских кавалеров» на начало 1918 года было около 2500 человек. Этот Союз активно выступал против Брестского мира и призывал к войне до победного конца — до полного освобождения страны от германско-австрийских оккупантов.

Полными кавалерами были знаменитые комдивы гражданской войны: Самуил Пинхусович Медведовский, Давид Аркадьевич Гутман (Шмидт), писатель-полярник Яков Кальницкий.

И что удивительно, даже ортодоксальные раввины совершенно спокойно относились к ношению евреями на груди креста. Не было ни единого случая запрета ношения награды, на тыльной стороне которой было выбито «За Веру, Царя и Отечество».

Среди георгиевских кавалеров были и дети: Мальгинский Исаак — 14 лет, Боч Давид — 14 лет, Касм Исаак — 15 лет, Кейлин Маркус — 16 лет, Еворович Соломон — 17 лет, Гольберг Исаак — 15 лет, Гутман Иосиф — 13 лет.

В рядах Русской Императорской армии были не только низшие чины, но и офицеры, и генералы — этнические евреи, потомки кантонистов, принявших христианство, ибо человек иудейского вероисповедания в царской России офицером и генералом стать не мог. Среди них можно отметить генерал-майора Сергея Владимировича Цейля (1868—1915), окончившего Академию Генерального штаба, с 1914 г. командира дивизии, погибшего на фронте в 1915 г.; А. Ханукова — генерал-майор, начальник штаба армейского корпуса, расстрелянного в 1918 г. за отказ служить в Красной Армии; генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова (1851—1919) — сына ссыльно-каторжного, главнокомандующего Юго-Западным фронтом, награжденного орденом св. Владимира I степени с мечами и Александра Невского с бриллиантами; М. Алексеева — генерала, способствовавшего отстранению от власти Николая II, а затем принявшего участие в выступлении генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства;

Генерал Н. Деникин в книге «Путь русского офицера» писал: «Из моего и смежных выпусков академии Генштаба я знал лично семь офицеров еврейского происхождения, из которых шесть ко времени Мировой войны достигли генеральского чина».

Евреи не были в стороне и во время революции и Гражданской войны, воюя и на той, и на другой стороне. Так в составе сводного батальона школы прапорщиков инженерных войск они участвовали в защите Зимнего дворца. Во время Петроградского

восстания 29—30 октября 1917 г. погибло около 50 юнкеров-евреев. На Дону в отряде есаула В. Чернецова, одном из первых казачьих партизанских соединений, сражавшихся с большевиками, воевали студент Б. Ширман и четыре брата Гершанович. Евреи вступали и в формировавшуюся на Дону Добровольческую армию генерала Л. Корнилова. Особенно много было их в студенческом батальоне Добровольческой армии.

Многих из них, несомненно, вдохновляли ставшие известными слова впоследствии полного Георгиевского кавалера Иосифа Трумпельдора из его рапорта своему ротному командиру при обороне Порт-Артура 24 ноября 1904 г.:

«У меня осталась одна рука; но эта одна — правая. А потому, желая по-прежнему делить с товарищами боевую жизнь, прошу ходатайства Вашего благородия о выдаче мне шашки и револьвера».

Источники:

1. «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920.— библиографический справочник. Отв. сост. В. М. Шабанов / М.: Русский Мир, 2004 г.
2. «Георгиевский архив», Часть 1, Часть 2 и Часть 3, Екатеринбург, 2004.
3. Шишов А. В. Георгиевские кавалеры.— М., 1993.
4. Куксин И. Е. Рецензия на справочник Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920. Библиографический справочник. Отв. сост. В. М. Шабанов. М., «Русский мир», 2004. 928 с., илл.
5. Йоханан Петровский-Штерн. Евреи в русской армии.— М.: Новое литературное обозрение, 2003.
6. Форум Союза возрождения родословных традиций <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=3176>

*Материал подготовил Яков Шафран,
Член Союза писателей и переводчиков
при МГО СП России,
лауреат Всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова*

Елена Оленич
(г. Тула)

К 95-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, К 75-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ И 50-ЛЕТИЮ ЗДАНИЯ ТУЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Оленич Елена Ивановна, родилась в г. Воронеже в 1963 году. В 1984 году закончила Тульское областное музыкальное училище им. А. С. Даргомыжского по специальности «Теория и история музыки». Работает в ТОХМ с 1988 года. В 1992 году закончила Санкт-Петербургский Государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, искусствовед. Заведующая Тульским областным художественным музеем.

Целых пятьдесят лет юноша страдал многими недугами: не было нескольких пальцев на ноге, была сломана рука, отбиты крылышки на шапочке и кадуцее! Что уж говорить о лире, у которой отсутствовали струны! Вы, конечно, догадались, что речь идет о «Меркурии (Гермесе)» — одной из самых известных скульптур нашего музея.

Все эти годы столь «нездоровое» состояние памятника вызывало сочувствие публики, а часто и удивление: «Неужели его нельзя отреставрировать?!» Однако неужность Меркурия долгие годы оставалась болью и сотрудников самого музея. Для ее решения требовались деньги (немалые) и специалисты-реставраторы. Ни того, ни другого у музея не было. Регулярная подача заявок в ФЦП «Культура России» результатов не давала, и лишь в 2011 году на средства, выделенные по целевой программе «Культура Тульской области», удалось пригласить реставраторов по мрамору из ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря и восстановить целостность скульптуры.

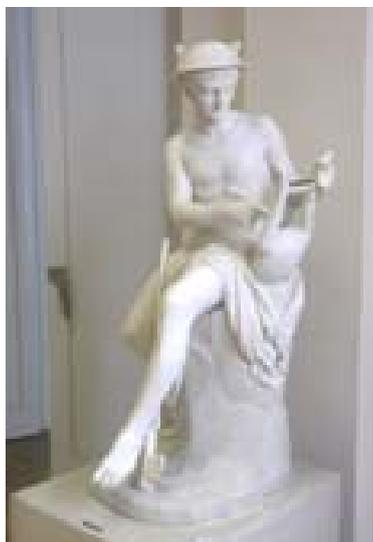
В начале лета 2012 года реставрация была завершена и теперь, наконец, всякий проходящий в музей зритель сможет увидеть произведение профессора Хопфгартена во всем блеске!

В 1965 году из Главного ботанического сада Академии наук СССР в Тульский областной художественный музей были безвозмездно переданы 14 произведений скульптуры, выполненных из мрамора. Среди них была и большая скульптура, изображающая «юношу, играющего на лире». По характерным атрибутам (крылатые жезл-кадуцей и шапочка) был определен изображенный персонаж античной мифологии — Гермес (римск. Меркурий), бог торговли и прибыли, разумности и красноречия, вестник богов и покровитель путешественников.

В 1965 году из Главного ботанического сада Академии наук СССР в Тульский областной художественный музей были безвозмездно переданы 14 произведений скульптуры, выполненных из мрамора. Среди них была и большая скульптура, изображающая «юношу, играющего на лире». По характерным атрибутам (крылатые жезл-кадуцей и шапочка) был определен изображенный персонаж античной мифологии — Гермес (римск. Меркурий), бог торговли и прибыли, разумности и красноречия, вестник богов и покровитель путешественников.

венников, изобретатель лиры и свирели. Сзади на основании скульптуры высечено «EMILHOPFGARTENFECROMA 1844».

Состояние произведения на момент поступления в собрание музея было крайне тяжелым и, по сути, она имела не экспозиционный вид. А между тем автор «Гермеса» немецкий скульптор Эмиль Александр Хопфгартен (Берлин, 1821—1856, Висбаден) является известным представителем немецкого классицизма. Он происходил из семьи, имевшей непосредственное отношение к искусству. Его отец — берлинский формовщик Генрих Хопфгартен — выполнял заказы на изготовление форм для отливки бронзовых скульптур для самого Христиана Даниэля Рауха (1777—1857), основателя немецкой классицистической скульптурной школы. Двоюродный брат Август был живописцем. Обучался Эмиль Александр в Прусской Академии искусств (Берлин) и у немецкого скульптора Эмиля Вольфа (1802—1879). В 1840 году он отправился в Италию, где в течение трех лет был учеником у Вильгельма Хопфгартена, своего дяди, совершенствуя мастерство и изучая памятники скульптуры в Риме, Неаполе, Флоренции. Именно в этот период была исполнена скульптура «Гермес» (1844) из собрания Тульского музея. Обращение к античному сюжету, идеализированное воплощение образа, спокойная, уравновешенная композиция, прекрасное владение искусством обработки мрамора, позволяющее ощутить «дыхание жизни» в холодном камне — все выдает в мастере представителя стиля классицизма. Хопфгартен находился под большим влиянием своих учителей, виднейших скульпторов, отдавших дань этому стилю. Прежде всего, Христиана Даниэля Рауха и Эмиля Вольфа (работы этих мастеров также представлены в экспозиции музея), который в свою очередь был учеником великого датского скульптора Бертеля Торвальдсена (1770—1844). Хопфгартен, как молодой скульптор, находящийся в начале своего творческого пути и впитывающий достижения и находки своих предшественников, часто использовал их композиции в качестве образцов. Так в «Гермесе» ясно угадывается прообраз — композиция знаменитой скульптуры Торвальдсена «Меркурий со свирелью» (1818), слегка измененная Хопфгартеном и данная в зеркальном отображении. Вот эта необычная поза полусидящей, полустоящей фигуры привлекла в свое время датчанина своей оригинальностью и пластической привлекательностью, и позже его ученики и последователи осваивали ее в своих произведениях.

Наиболее известным произведением Эмиля Александра Хопфгартена стал мраморный саркофаг супруги Великого герцога Люксембургского Адольфа-Вильгельма Нассау Елизаветы Михайловны (1855), русской принцессы, племянницы Николая I и внучки императора Павла I, скончавшейся после тяжелых родов в 19-летнем возрасте. В память о ней герцогом при помощи русского двора был возведен в Висбадене храм-памятник, где и установлен саркофаг. В качестве благодарности за искусную работу Хопфгартен получил от Николая I орден Св. Станислава 2 степени, который давался гражданским лицам за особые деяния во славу Отечества. К сожалению, талантливый скульптор ушел из жизни в возрасте 35 лет, на самом пике своих творческих возможностей.

Работы по реставрации скульптуры проводились в самом музее группой специалистов из Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени Академика И. Э. Грабаря под руководством заведующего отделом каменной скульптуры Д. Е. Котова.

Были осуществлены следующие реставрационные процессы: очищена поверхность мрамора; демонтированы ранее склеенные фрагменты скульптуры, старые пироны, которые от времени подверглись коррозии; очищены и подготовлены к восстановлению на места сохранившиеся фрагменты скульптуры; изготовлены формы для восполнения утраченных деталей с аналогий и произведено восполнение их в имитирующем материале; изготовлены и укреплены новые пироны из металла, не подверженного коррозии; установлены и укреплены на места все детали скульптуры; обработаны мастиковкой соединительные швы и проведена их тонировка в сопредельный тон; произведена гидрофобизация — финальное влагоотталкивающее покрытие поверхности скульптуры.

